

Коряковцев А.А.
Екатеринбург

ПОЛИФОНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Ключевые слова: понятийное мышление, рациональность, разум, полифония, диалог, Л. Фейербах, К. Маркс, М. Бахтин.

Аннотация. Статья посвящена малоизученному явлению рационалистической полифонии или многоукладности человеческого мышления. Автор кратко раскрывает его природу, опираясь на исследования Л. Фейербаха, К. Маркса и М. Бахтина, на метод антропологической диалектики. Мышление как таковое выступает как *опосредованное*, как обусловленное социальной, житейской ситуацией индивида, его личными переживаниями и т.д. Это и делает возможной мыслительную полифонию. Процесс мышления не однороден, а представляет собой диалог или полилог разнообразных рационалистических методов. В него может вмешаться также и пралогическое (мифологическое) мышление. Их сосуществование в отдельно взятой голове не говорит о самождественности мыслительного процесса или о родстве возникающих картин мира. Различные типы рациональности и допонятийное мышление могут вступать друг с другом в спор, вытеснять друг друга или сосуществовать параллельно. При этом разница между ними может человеком не осознаваться. Этим объясняется соседство разных мировоззренческих конструкций – научной и донаучной – в головах многих деятелей науки. В конечном итоге это снижает научный потенциал сделанных ими открытий. Культивируемая государством в качестве момента идеологического управления рационалистическая эклектика в конечном итоге приводит к сужению общественной сферы рациональности как таковой.

Koryakovtsev A.A.
Yekaterinurg

POLYPHONY OF RATIONALITIES

Keywords: conceptual thinking, rationality, reason, polyphony, dialogue, L. Feuerbach, K. Marx, M. Bahtin.

Summary. The article is devoted to little known phenomenon rationalistic polyphony or the diversity of human thinking. The author briefly reveals his nature, drawing on research by L. Feuerbach, K. Marx and Mikhail Bakhtin, drawing on anthropological method of dialectics. Thinking as such acts as an indirect, as a result of social, everyday situation of the individual, his personal experiences, etc. Thinking as such is acts as an indirect, as a result of social, everyday situation of the individual, his personal experiences, etc. This makes possible mental po-

lyphony. The thinking process is not homogeneous, but instead is a dialogue or polylogue rationalistic variety of methods. It can interfere in the same and dialogische (mythological) thinking. Their coexistence in a single head is not talking about the identity of the thinking process or the relationship of the emerging patterns of the world. Different types of rationality and pre-concept thinking can engage with each other in a dispute, to displace each other or coexist in parallel. The difference between them can a person be unconscious. This explains the proximity of different ideological structures – scientific and pre-scientific – minds of many scientists. This ultimately reduces the scientific potential of their discoveries. Cultivated by the state as the moment of the ideological Department of the rationalist eclectic eventually leads to a narrowing of the public sphere of rationality as such.

Л. Фейербах был первым историком философии, кто обратил внимание на *многоукладность* человеческого мышления, на его философско-методологическую *полифонию*. Исследуя философию Нового времени, он сетовал по этому поводу: «Ведь можно признавать истинность чувственного в области естественнаучной и все-таки отрицать ее в философской и религиозной области; можно даже одновременно быть материалистом и спиритуалистом, светским вольнодумцем и религиозным обскурантом, практически атеистом, а теоретически – правоверным теистом. Бэкон, Декарт, Лейбниц, Бейль, вообще новое и новейшее время – блестящий пример этого противоречия» [15: 42]. В своих историко-философских исследованиях, а также в своей концепции христианской религии немецкий философ выявил внутреннюю противоречивость философских и религиозных учений, их сложный внутренний склад. Не филиация идей, как у Платона и Гегеля, занимает внимание философа, а личности мыслителей, ведущих посредством этих идей *диалог* с другими мыслителями и с самими собой, даже порой бессознательно. Диалогичность человеческого мышления (то, что позже стали связывать с его

«интенциональностью») является одним из самых выдающихся открытий Фейербаха.

По прошествии более ста лет другой мыслитель в другой стране заметит об одном русском классике: «*Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского*. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире, в свете единого авторского сознания разворачивается в его произведениях, но именно *множественность равноправных сознаний с их мирами* сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единстве некоторого события» [1: 10]. В данном случае речь идет «о целом ряде философских выступлений нескольких авторов-мыслителей – Раскольникова, Мышкина, Ставрогина, Ивана Карамазова, Великого инквизитора и других» [Там же: 9]. Причем каждый из этих философствующих голосов – полифоничен, как полифонично и противоречиво мышление и самого Достоевского, – социалиста-гуманиста, без прикрас показывающего участь «униженных и оскорбленных» в мире сем и одновременно православного, дружившего с обскурантом Победоносцевым, антисемита и противника революционных преобразований общества.

Конечно, в определенном смысле Бахтин и Фейербах говорят о разном. Если первый имел в виду художественный прием гениального писателя, то второй – непоследовательность и противоречивость выдающихся философов по отношению к собственным идейным предпосылкам. Вместе с тем в обоих случаях речь идет об одном: о полифонии человеческого мышления. Только в одном случае она выражается философско-художественными средствами, в другом – дискурсивно-философскими. Душа Декарта и его мышление в изображении немецкого классика – не менее сложные феномены, чем душа и мышление Раскольникова в изображении классика русского и его советского толкователя.

Но Фейербах и Бахтин только ограничились констатациями, не уделив внимания причинам описанного ими феномена. Научные интересы Бахтина замкнуты литературоведением, а немецкий классик находился только на пути к методу, который позволил бы ему это сделать – к материалистической диалектике [8].

Позже теория диалога была развернута на теологическом материале М. Бубером [3], культурологическом – В.С. Библером [2], М.С. Каганом [5], в области литературоведения и семиотики – Ю.М. Лотманом [9], искусствоведения – Э. Кассирером [6]. Тема методологической полифонии человеческого мышления так и осталась не исследованной.

В конце XIX в. Фрейд научно обосновал многослойность человеческой психики [16]. У человека, кроме сознания, есть еще и бессознательное (к тому же не только личное, но и коллективное, по Юнгу, а также, как показал позже Фромм, социальное). Кроме всего прочего это еще и означает, что дискурсивное, вопреки

феноменологам, не разделено непроходимой пропастью от психологического просто потому, что субъект того и другого един, это – *общественный индивид*. Мышление не происходит вне человека наподобие платоновско-гегелевской филиации идей. Мыслит всегда конкретный, «отдельно-взятый», «этот» индивид, но именно как *общественный*, преломляющий в своем сознании сознание общества, все господствующие в нем мыслительные парадигмы. Они вступают в его мозг во взаимодействие, он их совмещает или вступает с ними в спор – бессознательный или в той или иной степени осознанный. Понятийно-сознательный диалог может идти только в одной человеческой голове, в форме рефлексии, воплощающей новую систему понятий. Синтез разумов в этом случае повторится на качественно ином уровне. Это имел в виду Маркс, когда писал: «Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого <обобщающего понятия – А.К.>, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает для себя мир единственно возможным для нее способом, – способом, отличающимся от художественно-, религиозно-, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существуя во всей своей самостоятельности, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом <понятийно-дискурсивном – А.К.> методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» [12: 39].

Иными словами, дискурсивное выступает как *опосредованное*, как обусловленное социальной, житейской ситуацией индивида, его личными переживаниями и т.д. Дискурсивное – не

самостоятельно, не сверхчеловечно, не сверхличностно, не мистично. Это и делает возможной мыслительную полифонию. В «отдельно взятой» голове может совмещаться все, что угодно, самое несовместимое: наука и миф, знание и религиозная вера, разные конфессиональные веры и разные концепции рационального знания в самом разнообразном сочетании – «пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически» (Маркс). При определенных условиях эти внутренние «реальные субъекты» мысли приходят во взаимодействие, порождая удивительные по своей внутренней структуре феномены человеческого духа. В душе отдельного человека они могут «беседовать» и даже спорить друг с другом. В ней может господствовать и один из них, что не исключает возможности всплытия из глубин бессознательного иных образов, идей, архетипов и поведения, в результате чего человеком начнет руководить уже иной разум или вообще доразумное, допонятийное, мифологическое начало. Это подтверждается конкретными историческими примерами. Подобное может произойти, например, из-за сильного психологического потрясения, как это случилось с Б. Паскалем. Многие ученые сочетали занятия наукой с религиозной верой: М. Фарадей, И. Ньютон, В.Ф. Войно-Ясенецкий и т.д. – каждый по своим личным причинам.

В настоящее время в России стало господствующим трендом, поощряемым государством, подобное сосуществование понятийных разумов с мифом или сосуществование взаимоисключающих мифов. *Внешне* это *выглядит* как условие и выражение личной свободы, но в сфере социальной практики эта демократия иллюзий закономерно приводит к иллю-

зии демократии, а культивируемая эклектика становится частью общественной идеологии. В итоге сфера рационализма в обществе катастрофически сужается, освобождая место иррационально-деструктивным тенденциям даже в тех областях, где это особенно опасно для государства: в образовании, здравоохранении, академической науке, в управлении экономикой и социальными процессами.

В древности понятийное мышление формировалось в процессе взаимодействия разных мыслительных традиций. С одной стороны, переплетались друг с другом, влияли друг на друга и друг друга отталкивали архаичное, религиозно-мифологическое сознание и понятийный дискурс как таковой. С другой стороны, понятийное мышление не возникало в виде однородного феномена, а представляло собой также взаимодействие-взаимовлияние-взаимотталкивание разных типов рациональности. Духовное развитие в любую историческую эпоху выступает как тотальный *полилог* сложившихся и складывающихся традиций, как единая, живая, развернутая в истории *многоукладность разума, полифония* человеческого мышления. Этот полилог мог происходить как между мыслителями, так и в голове каждого из них. Изображение философских концепций в виде замкнутых, монологичных, цельных структур, пребывающих «в едином объективном мире, в свете единого авторского сознания» (Бахтин), должно быть отброшено историко-философской наукой как пройденный «телеологический» этап.

Первые философы, где бы они ни жили – в Греции, Индии, Китае или на Ближнем Востоке, были современниками

новой – «осевой» (как выразился К. Ясперс [18]) – исторической эпохи, эпохи перехода к раннеклассовому обществу с его социальными противоречиями и бурной политической жизнью. Отвечая на ее потребности, они старались преодолеть смутность мифологического сознания и нечеткость обыденного миропонимания. В их размышлениях наметился стихийный переход к доселе неведомому способу группировки представлений – по *принципу тождества*. Как следствие, в речи началось столь же стихийное формирование родовидовой иерархии понятий, приходящей на смену ассоциативным рядам, свойственным языку мифа. На этой новой основе впоследствии становятся возможными все мыслительные операции с понятиями, в том числе и формально-логическое умозаключение, а потом (намного позже) и диалектика. Традиционные мифы и религии переосмысливаются с позиции этого нового способа понимания мира, природы и общества.

Выделяются три уклада рациональности в эту эпоху: 1) сфера «пробуждающегося» [7] разума: *религиозно-мифологическое* сознание неграмотных народных масс (рабов, иных категорий зависимого населения, простых свободных общинников, словом, всех тех, кто занят непосредственным производством), сосуществующая с житейским здравым смыслом; 2) религиозно-мифологическая *идеология*, переплетенная с практическим преднаучным знанием, творцами которого были корпорации жрецов – профессиональных культовых служителей; 3) *философия* и *теоретическая наука*, бывшая занятием-хобби немногочисленной интеллигенции древнего мира, дальнего прообраза современного научно-философского сообщества. Первый пласт воплощает сознание коллективное, вторые два

являются продуктами индивидуального сознания отдельных привилегированных личностей, располагавших досугом и материальным достатком.

Все эти рационалистические уклады существовали не изолированно друг от друга. Решающую роль в их взаимодействии играло чисто количественное преобладание того или иного типа мышления среди населения и, конечно же, социальная роль его носителей. Повседневная практика оставляла достижения научной рациональности ничтожному образованному меньшинству, которое употребляло их часто в целях, далеких от целей познания. Конечно, эти достижения доходили и до невежественных масс, но они, ведомые отнюдь не бескорыстными поисками истины, усваивали их только в вульгаризированном виде – по логике доступного их пониманию мифа. В свою очередь, идеологи и философы испытывали на себе идейное и психологическое давление со стороны своего социального окружения, что, прямо или косвенно, сказывалось на их взглядах.

Таким образом, виды человеческого мышления зарождались и сосуществовали в *едином социальном поле человеческой жизнедеятельности*. Общественное сознание в определенной стране и в конкретную эпоху представляет собой *полифонию* различных типов мышления, как минимум допонятийного и понятийного, но также и разных модификаций последнего. Их взаимодействие рождает новое содержание. Этот синтез зависит от зрелости взаимодействующих сторон и полноты их взаимопроникновения. Теоретическая наука, философия, социальные мифы и религия в этом смысле не существуют сами по себе,

наподобие платоновских «эйдосов», парящих над чувственным миром. Они лишь проявляют в форме понятий конкретно-исторические типы человеческого мышления. Так называемая «вторая природа» или человеческая культура есть главное их воплощение.

Будучи «схваченной в мысли эпохой» (Гегель), философия только воплощает в системы понятий (категорий) определенные типы разума (рациональности), возникающие в качестве решений определенных проблем.

Библиографический список

1. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин // Собр. соч. в 6 томах. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. – М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 800 с.
2. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
3. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
4. Герт, В.А. К онтологии целостности человека / В.А. Герт // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2011. – № 2. – Уральский государственный педагогический университет. С. 11–18.
5. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб. : Метрополис, 1996. – 416 с.
6. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 784 с.
7. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление / Ф. Кликс. – М. : Прогресс, 1983. – 302 с.
8. Коряковцев, А.А.; Любутин, К.Н. Диалектика Фейербаха / А.А. Коряковцев, К.Н. Любутин. – Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 220 с.
9. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2004. – 704 с.
10. Любутин, К.Н. Антропологическая диалектика Л. Фейербаха / К.Н. Любутин // Филос. науки. – 1983. – № 1. – С. 71–77.
11. Любутин, К.Н. Наслаждение как конститутивный принцип историчности в философии К. Маркса / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2009. – № 1/2 (64), сер. 3. Обществ. науки. – С. 177–189.
12. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. / К. Маркс (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. – М. : Политиздат, 1980. – 564 с.
13. Прямикова, Е.В. Предпосылки и практики компетентностного подхода в образовании / Е.В. Прямикова. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2011. – 175 с.
14. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
15. Фейербах, Л. Предисловие к первому изданию собрания сочинений / Л. Фейербах // История философии в 3 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1967. – С. 33–45.
16. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого Я / З. Фрейд // Я и Оно. Труды разных лет: в 2 кн. / З. Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Кн. 1. – С. 71–138.
17. Шалагина, Е.В. К вопросу о когнитивной реальности / Е.В. Шалагина // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2014. – № 2. – Уральский

государственный педагогический университет. – С. 37–41.

18. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. М. : Издательство политической литературы, 1991. – С. 27–286

Статью рекомендует доктор социол. наук, доцент Прямикова Е.В.